

УДК 316.4

ДИАГНОСТИКА ДОВЕРИЯ К БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ЗНАНИЯ О РИСКАХ И УЯЗВИМОСТЯХ*

Кравченко Сергей Александрович

Доктор философских наук, профессор,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: sociol7@yandex.ru

Подберезкин Алексей Иванович

Доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: sociol7@yandex.ru

Содержание безопасности России и, соответственно, доверия к ней постоянно изменяется, что обусловлено социальной и культурной динамикой общественного развития. Опасности становятся многоликими, включают в себя не только военные факторы, но множества других – инсценированные СМИ угрозы обществу, его институтам, человеческому капиталу. Появились невиданные ранее нелинейные опасности в виде новых рукотворных

DIAGNOSTICS OF TRUST TO THE SECURITY OF RUSSIA IN TERMS OF NEW KNOWLEDGE ABOUT RISKS AND VULNERABILITIES

Sergey A. Kravchenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Moscow State Institute of International
Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: sociol7@yandex.ru

Alexey I. Padbyarozkin

Doctor of Historical Sciences,
Professor Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: sociol7@yandex.ru

The essence of security of Russia and therefore trust to it is constantly changing due to social and cultural dynamics. The dangers become many-sided and include not only military factors, but many others. Staging by mass-media a threat to the society, its institutions and human capital. Previously unknown non-linear dangers in the form of man-made risks and vulnerabilities have appeared. It leads to challenges undermining trust to the knowledge about coun-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 16-18-10411.

рисков и уязвимостей, что, естественно, порождает вызовы, подрывающие доверие к знанию о безопасности страны. Показывается взаимосвязь доверия с рисками и уязвимостями. Обосновывается, что с учетом новых рисков и уязвимостей в XXI в. изменяются приоритеты в обеспечении безопасности социума. Их порядок таков: безопасность локальной человеческой цивилизации; безопасность нации; безопасность государства; безопасность общества; безопасность личности. Само обсуждение приоритетности интересов объектов безопасности у сторонников разных идеологий вызывает дискуссии, за которыми, по существу, стоят политические интересы важнейших акторов мировой политики. Декларирование приоритетного значения интересов личности, как правило, имеет латентную цель ослабить безопасность противоположной стороны, искусственно сформировать уязвимости идентичности нации и государственному суверенитету. Ныне политика элит в отношении безопасности своих стран все более учитывает роль фактора локальной человеческой цивилизации.

Ключевые слова: доверие, безопасность, риски, уязвимости, нелинейные опасности, инсценирование угроз, локальная человеческая цивилизация.

try's security. The connection between trust and risks and vulnerabilities is shown. It is stated, that within new risks and vulnerabilities of the 21st century the priorities of ensuring the security of the society are changing. Their order is the following: the security of local human civilization; the security of the nation; the security of the state; the security of the society; the security of the individual. The very discussion of the priorities of the interests of the objects of security by representatives of various ideologies causes debates, behind which there are political interests of the most important actors of the world politics. The declaration of the priority meaning of the individual interests, as a rule, have a latent purpose to weaken the security of the opposing side, artificially create vulnerabilities of the nation's identity and state sovereignty. Nowadays the policy of the elites regarding the security of their countries increasingly takes into account the role of local factors of human civilization.

Keywords: trust, security, risks, vulnerabilities, non-linear dangers, staging of threats, local human civilization.

Введение

Доверие к безопасности социума предполагает сочетание *рациональности* и *эмоционального настроения* на искренность, лояльность, согласованное взаимодействие, что обеспечивает *предсказуемую функциональность людей*. В современном обществе, развивающемся в контексте ускоряющейся и усложняющейся динамики, в доверие включаются и *институциональные структуры*, которые в принципе обеспечивают *прогнозируемую функциональность* и индивидуальных, и коллективных акторов. Вот почему оценка доверия к институтам общества, таким как правительство, армия, правоохранительные органы, политические партии и др., находится под постоянным мониторингом социологических служб, выносящих заключение о *рейтинге доверия*. На глобальном же уровне формирование доверия на порядок сложнее, касается предсказуемости безопасности конкретных стран и регионов, что предполагает взаимодействие ряда сложных международных акто-

ров. Соответственно, когда речь идет о доверии к безопасности страны, необходимо принять во внимание функциональность основных субъектов международной обстановки. В основополагающих документах большинства стран в качестве единственных субъектов безопасности рассматриваются *нации-государства* [1]. Мы полагаем, что с учетом усложнения геополитических реалий их как минимум пять: *нации, государства, общества* (или сообщества в виде отдельных социальных групп), *личности* и *локальные человеческие цивилизации* (ЛЧЦ) [2, с. 19–40]. Они же представляют собой *объекты безопасности*, т.е. их функциональность необходимо обеспечить и защитить. В связи с этим важно выработать критерии безопасности (факторы безопасности) для каждого из перечисленных основных объектов безопасности, т.е. определить те предельно допустимые значения, при которых внешние условия их жизнедеятельности и адекватного функционирования переходят в категорию «опасностей», а «опасности» – в «угрозы» [3, с. 17–28].

Ныне беспокойство россиян вызывают угрозы, связанные с санкциями, гонкой вооружений, увеличением горячих точек, последствиями «цветных революций», неуправляемыми миграционными потоками, потенциальными возможностями совершения террористических актов. В последние годы под влиянием эффектов «стрелы времени» возникла проблема *доверия к научному знанию* [4; 5, с. 110–124], которое подвержено быстрому старению, ибо постоянно сокращается время разработки и внедрения инноваций, перехода от одного научно-теоретического инструментария к другому, а подчас происходят разрывы в знании. Изменения в научном знании прямо касаются характера доверия к *национальной безопасности* страны, видение которой постоянно уточняется и развивается на основе междисциплинарного подхода, взаимодействия представителей социальных, естественных и гуманитарных наук [6, с. 11–18]. Предлагаемая нами концепция безопасности России, учитывающая знания о новых рисках и уязвимостях, отличается от Стратегии национальной безопасности, включающей в себя безопасность государства, общества и личности [7], более широким *гуманитарным подходом* к оценке вызовов, а также *дифференциацией угроз* этим объектам, их *ранжированием по значимости*, конкретизацией *способов нейтрализации опасностей и угроз*. Если в стратегии важнейшими задачами безопасности являются сохранение и укрепление суверенитета и территориальной целостности, то мы выступаем за *системное* обеспечение безопасности развития нации, общества и его институтов, человеческого капитала и, что особенно важно, функциональности нашей локальной *российской человеческой цивилизации*.

Взаимосвязь доверия с рисками и уязвимостями

Диагностика доверия связана с включением в него риска как атрибута, в противном случае речь идет либо о *вере*, либо о *недоверии* вовсе. Риск есть возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия [8, с. 493–494].

У доверия и риска много общего. Этим явлениям свойственна *определенная степень вероятности*, которую можно эмпирически диагностировать. Каждая из сторон потенциально может функционировать иначе, чем предполагают другие. По Н. Луману, и доверию, и риску свойственна *контингентность* – возможность «иног бытия» как результат найденного, вероятно, «не самого лучшего» решения и сделанного действия [9, с. 53]. Социолог прямо соотносит характер доверия с увеличением / уменьшением неопределенностей и рисков [10]. Э. Гидденс показывает, что современное доверие, по существу, является адаптивным ответом на рукотворные риски, «предлагает безопасность перед лицом различных вариантов будущего» [11, с. 108]. При этом он раскрывает специфику доверия в условиях *рефлексивного модерна*. Им выделяются два доминирующих типа доверия. *Первый*, относящийся к структурно-институциональной рефлексивности, – *доверие экспертным системам*, включающим функциональность институтов. Желательно, чтобы эти системы продемонстрировали свою валидность и предсказуемость в возможно *большем пространстве* вплоть до глобального уровня. Однако на них нельзя полностью положиться в силу увеличения количества и качества знания, возрастания его неопределенности. *Второй* тип доверия, основанный на *индивидуальной рефлексивности*, относится к межличностным отношениям, предполагает доверие к тем людям, которых *мы лично знаем* и с которыми взаимодействуем лицом к лицу. Каждый тип доверия нацелен на *минимизацию рисков*.

При всех возрастающих неопределенностях доверие остается важнейшим компонентом жизни человека, основой его *онтологической безопасности*, под которой Э. Гидденс понимает субъективное ощущение людьми надежности течения повседневной жизни, доверие, обусловленное жизнью в определенном природном и социальном мире, что формирует базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности, предсказуемость хода событий [12, с. 100, 499]. Без до-

верия и чувства онтологической безопасности у людей возникают страхи небезопасности, являющиеся социальной проблемой [13].

Доверие также тесно связано с *уязвимостью*. В самом общем смысле под *современной уязвимостью* понимается *нарастание структурной дисфункциональности сложной системы* [14, с. 142] (сложившийся мировой геополитический порядок подвергается испытанию на прочность в результате взаимодействия и столкновения локальных цивилизаций) *и/или техноприродной системы* (производство и распространение оружия массового поражения не только несет угрозу конкретным странам, но и ведет к увеличению «мертвой почвы» и «мертвой воды», что, как отметила известный американский социолог С. Сассен, выступая на 3-м форуме Всемирной социологической ассоциации, влияет на характер будущего человечества [15, с. 81]; климатическая, водная и воздушная системы планеты изменяются под влиянием неолиберальной биополитики, основанной на доминировании прагматических интересов). Любые сложные системы по своей природе *хрупки*, у них есть *пределы прочности*. Более того, в отличие от относительно простых сложные системы, считает американский социолог Ч. Перроу, подвержены специфическим уязвимостям в виде «*нормальных аварий*», под которыми им понимаются несчастные случаи и катастрофы, вызванные не грубыми просчетами человека, а обусловленные его естественным взаимодействием со *сложными* техническими и технологическими системами, периодически дающими «нормальные» сбои: «серьезные инциденты неизбежны даже при наилучшем менеджменте и полном внимании к безопасности» [16]. В новой книге «*Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий*» ученый показывает, что уязвимость продолжает усложняться: «концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре делают нас более уязвимыми для природных, промышленных / технологических бедствий и террористических атак» [17]. При этом им выделяются три основных источника уязвимостей: концентрации энергии (взрывных и токсичных веществ), концентрации населения в зонах риска и концентрации экономической и политической власти [17, с. 6–7]. Словом, сложные системы *имманентно* содержат в себе *потенциальную угрозу катастрофы*, степень которой возрастает с уменьшением доверия особенно между политическими акторами. Ф. Фукуяма так трактует данный феномен: «Доверие – это возникновение у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с их некоторыми общими

нормами» [18, с. 52]. Замечание «будут вести себя более или менее предсказуемо» имеет принципиальный смысл – доверие жизненно важно для безопасности социума, но в любом случае оно предполагает определенную *степень риска*, а также *степень уязвимости* нации, государства, общества, личности и локальной человеческой цивилизации.

Ранжирование приоритетов безопасности

По нашему мнению, некорректно говорить о рисках и уязвимостях безопасности России вообще. Истина всегда конкретна, и потому следует осуществить ранжирование приоритетов безопасности.

В XXI в., как нам представляется, порядок приоритетов выглядит следующим образом: 1) безопасность ЛЧЦ (в частности, российской цивилизации); 2) безопасность нации; 3) безопасность государства; 4) безопасность общества; 5) безопасность личности.

Выделение приоритетности среди объектов обеспечения безопасности как *сложных систем, реализующих свои специфические функции*, имеет принципиальное значение, как и само по себе разделение безопасности этих объектов с учетом их оптимального функционирования в условиях конкретных рисков и уязвимостей.

Как известно, по Т. Парсонсу, функция позволяет, с одной стороны, выявить важность элементов, частей *внутри любой системы*, а с другой – понять то, как сама система взаимодействует с её *окружением* для обеспечения своей безопасности. «Понятие функции, – пишет он, – имеет решающее значение для понимания любых живых систем, обозначая определенные черты, во-первых, взаимодействия системы с окружением; во-вторых, внутренней дифференциации самой системы» [19, с. 80]. При этом ученый считал, что *любая* система, чтобы быть жизненной и эффективной, должна отвечать четырем основным функциональным требованиям: 1) *адаптация* предполагает приспособление системы к её внешней среде; 2) *целестремление* означает, что система должна вырабатывать цели и достигать их; 3) *интеграция* предполагает способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию элементов системы действия; 4) *латентность*, по существу, выполняет функцию *генетического кода*, обеспечивая *скрытое «поддержание культурного образца»* и самовоспроизводство, а также мотивацию акторов к сохранению системы [20, с. 531–555].

Ученый определяет общество как тип социальной системы, обладающий наивысшей степенью *самодостаточности*, определяя его как способность социальной системы контролировать не только внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами. При этом он *ранжирует* функциональную значимость подсистем общества

(социетальное сообщество, фидуциарная подсистема, политика, экономика): с одной стороны, каждый нижний уровень создает условия, производит энергию для более высоких уровней, а с другой – высшие уровни контролируют те, которые расположены ниже [21].

Представляется, методологию Парсонса ранжирования социума можно применить и сегодня. Однако учтем, что ныне происходит не только усложнение каждой из пяти вышеобозначенных систем, но и усложнение их функциональной взаимозависимости, подвергающейся новым рискам и уязвимостям. Так, наивысшая угроза функциональности ЛЧЦ означает, что не только нация, но и государство, общество и личность могут стать дисфункциональными, нефункциональными и исчезнуть. Однако угроза безопасности личности или даже социальной группе далеко не всегда ведет к угрозе национальной или цивилизационной безопасности.

Между тем сама по себе приоритетность интересов объектов безопасности у сторонников разных идеологий и воззрений вызывает возражения, более того, политические споры и даже военно-политические акции. Очевидно, декларирование приоритетного значения интересов личности, ее прав и возможностей по отношению к нации, государству и обществу, как правило, имеет латентную цель ослабить общественные институты, искусственно сформировать уязвимости идентичности нации и государственного суверенитета. Воплощение этой цели в политике последовательно происходит на протяжении нескольких десятилетий в качестве реализации принципиальной установки стратегии западной ЛЧЦ в отношении ее потенциальных, а тем более реальных противников. Так, заключительный акт ОБСЕ, подписанный 1 августа 1975 г. в Хельсинки, нужен был Западу, полагаем, только для того, чтобы легализовать приоритеты интересов личностей, прежде всего прав человека (3-я «корзина» акта), направив их на игнорирование и ослабление в конечном счете институтов социалистических государств и наций.

Неолибералы, абсолютизируя права человека, подчас декларируют, что наивысший приоритет безопасности принадлежит *безопасности личности*, за которым следует приоритетность общества и государства, а приоритетность безопасности нации вообще нередко отрицается. По существу, ими предлагается инновационная трактовка международных отношений, ставящая под вопрос и существующую теорию международных отношений, и теорию государства. «Космополитизация реальности оборачивается противником международной теории, – заявляет известный немецкий социолог-рисколог У. Бек, – ибо подрывает авторитет теории государства и низлагает политическую

монополию нации-государства в международных отношениях» [22, с. 37–38]. Особо им отмечается: «Режим прав человека является ключевым примером того, как различие между национальным и интернациональным вытесняется и внутренняя космополитизация утверждается» [22, с. 47]. Попытки механической подмены приоритета нации-государства приоритетом прав человека несут новые политические риски и уязвимости. Возник парадоксальный «гибрид неправовой легитимной войны». Пример тому – война в Косово, оказавшаяся «легитимной», хотя она велась, как считает Бек, с нарушением международного права за пределами собственных границ [22, с. 120]. Уроки иракской войны также парадоксальны: «мы переживаем парадоксы политики военных угроз как средства утверждения глобального мира, ибо очевидно, насколько трудно выиграть мир после того, как была выиграна война, если последняя имеет бренд неправовой (не)лигитимности» [22, с. 129]. Социолог заключает: «Если космополитическое право не может быть установлено, то из этого следует отсутствие права вообще» [22, с. 127]. Возможно, данное суждение слишком радикально, но риски «легитимной войны» действительно пришли в нашу жизнь – они создают реальные уязвимости для безопасности нации [23, с. 100–111].

Заметим, вряд ли когда-нибудь было, чтобы не в пропагандистском плане, а в реальности правящая элита любой страны ставила интересы безопасности личности выше государственных. Примечательно, в ходе избирательной кампании 2016 г. в США Д. Трамп не раз прямо заявлял, что «только обеспечив интересы национальной безопасности, можно реализовать все права и свободы личности». Когда же публично эти интересы ставятся на первое место (как, например, Д. Трампом в его приветствии по случаю победы на президентских выборах 9 ноября), они, по существу, отражают признание части правящей элиты значения человеческого потенциала для интересов безопасности и развития нации и государства. К сожалению, далеко не все представители правящей элиты на это способны [24].

Безопасность страны, обусловленная противоборством ЛЧЦ

Еще сложнее с диагностикой безопасности страны, учитывая обострившееся *противоборство* ЛЧЦ, о чем активно заговорили с начала 90-х гг. после публикаций С. Хантингтона [25] и А. Тойнби [26], но постепенно дискуссия в научных кругах выдохлась, хотя именно на базе западной ЛЧЦ, возглавляемой США, создали к началу XXI в. военно-политическую коалицию из более 60 государств, навя-

зывающую свою волю всем остальным ЛЧЦ, нациям и государствам. Существование и укрепление этой коалиции рассматривается в США в качестве одного из важнейших условий сохранения доминирования в мире [27].

В XXI в. именно противоборства ЛЧЦ являются теми новыми системными факторами, наиболее ярко характеризующими риски и уязвимости безопасности нации, общества и личности, требующими наиболее приоритетного внимания. На Западе и на Востоке – в исламском мире и Китае, Индии и в Бразилии – политика элит в отношении безопасности своих стран не только учитывает значение формирований ЛЧЦ и их коалиций, но и в полной мере пытается делать на них ставку: каждая из стран-лидеров пытается стать в той или иной мере уже и лидером ЛЧЦ или как минимум региональным лидером [28].

Традиционное противоборство в мире между нациями-государствами сменилось в XXI в. противоборством военно-политических коалиций, сформированных и формирующихся на основе центров силы, которые создаются на базе ЛЧЦ, входящих в них государств и отдельных акторов, объединенных *цивилизационными интересами и ценностями*. Появление феномена ИГИЛ (запрещенной в России группировки) (до этого ХАМАС) отнюдь не случайно. Логика возникновения и развития, например, военно-политической коалиции западной ЛЧЦ, которая в последние десятилетия производила глобальные риски и уязвимости, инициировала множество военных конфликтов от Югославии до Сирии и Йемена.

Таким образом, в XXI в. возникновение и стремительное развитие ЛЧЦ и созданных на их основе неких ценностных общностей и интересов военно-политических и финансово-экономических коалиций в решающей степени влияют на формирование международных отношений и, соответственно, рисков и уязвимостей безопасности конкретных наций. Более того, центр противоборства субъектов международных отношений и их отдельных акторов сместился именно в сторону противоборства этих ЛЧЦ за сохранение и продвижение ими своих систем ценностей и интересов, что, однако, далеко не всеми и не всегда признается и учитывается при анализе состояния и развития международной обстановки сегодня.

Между тем именно ЛЧЦ и созданные на их основе союзы и коалиции стали в нашем столетии решающими системными факторами обеспечения национальной безопасности, что открыто и постоянно признается в основных документах США и в странах-союзниках. Так, в Стратегии национальной безопасности США, принятой в феврале 2015 г., прямо подчеркивается, что безопасность США основывается

на двух важнейших факторах – военно-технологическом превосходстве и «обновленных союзах» [1]. Именно «обновленный союз» является той военно-политической коалицией западной ЛЧЦ во главе с США, которая сегодня выступает важнейшим системным фактором, производящим риски безопасности России.

ЛЧЦ, их потенциалы играют исключительно важную роль, определяя военно-политические возможности не только наций, но и коалиций и союзов. Так, в случае реализации планов США по созданию Трансатлантического (ТАП) и Транстихоокеанского партнерств (ТТП) объединенные финансово-экономические, демографические и военно-политические ресурсы западной ЛЧЦ, контролируемые США, будут составлять от 50 до 70 % мировых ресурсов. Сказанное в конечном счете означает, что такая военно-политическая коалиция сможет какое-то время гарантировать сохранение необходимых для США и их союзников сложившихся в XX в. финансово-экономических и военно-политических систем.

Сказанное означает, что не только анализ и прогноз такого потенциала западной ЛЧЦ, но и сама политическая возможность создания западной коалиции являются весьма важными факторами формирования рисков и уязвимостей для развития международных отношений в XXI в. Так, объединение потенциалов двух крупных ЛЧЦ в одной коалиции (например, Европа+США+др. страны) неизбежно ведет к неравенству потенциалов, т.е. возникновению потенциальных опасностей для любых других ЛЧЦ.

Вряд ли можно точно оценить экономическую и иные составляющие мощи западной ЛЧЦ, но даже самые простые попытки экспертов это сделать имеют большое прогностическое значение для представления рисков и уязвимостей. В Центре военно-политических исследований МГИМО созданы базы данных потенциальных возможностей ЛЧЦ. В частности, если попытаться сопоставить военно-экономические потенциалы ЛЧЦ, играющие все более важную роль по отношению к быстроменяющимся экономическим возможностям государств и наций, то можно обнаружить интересные данные. Так, различия между военно-экономическими потенциалами российской и североамериканской ЛЧЦ не так уж и велики, а между арабомусульманской и западноевропейской практически отсутствуют. Военно-политический потенциал российской ЛЧЦ сопоставим с другими ведущими ЛЧЦ, отмечается единственное отставание от американской ЛЧЦ. Обращает на себя внимание высокая оценка военно-политического потенциала индийской ЛЧЦ и низкая у арабомусульманской ЛЧЦ.

Стремительное развитие информационно-технических средств обработки и передачи информации с конца XX в. привело к радикальному изменению их политической роли, превратив их в главные инструменты политики всей западной ЛЧЦ. Смысл политического функционирования современных СМИ в том, что они *инсценируют реальность*, включая риски и уязвимости, делая их «правдивыми» для многих потребителей информации. По У. Беку, «глобальный риск есть *инсценирование реальности* глобального риска... Немного преувеличивая, можно сказать: не сам террористический акт, а глобальное инсценирование акта и политические ожидания, действия и реагирования в ответ на инсценирование – вот то, что разрушает западные институты свободы и демократии. Ограничение индивидуальных свобод заметно на многих уровнях – от увеличения камер слежения до ограничений иммиграции, что не является просто эффектами реальных катастроф (например, актов террористического насилия). Они являются результатом таких практик и *их глобализированного ожидания*» [29, с. 10]. Инструментарий инсценирования реальности оттесняет традиционную дипломатию и военную силу, создав политический феномен «новой публичной дипломатии». Примеры того, как массово и эффективно используются СМИ западной ЛЧЦ, показывают, что можно целиком деформировать общественное мнение: инсценирование «российской угрозы» позволяет практически «легитимизировать» любые нарушения международного права. Именно так «новая публичная дипломатия» проявляет себя в Сирии и на Украине.

По существу, инструментарий инсценирования реальности превращается в новый вид оружия, позволяющий завоевывать и контролировать не только информационное, но и политическое пространство. Причем – и это особенно важно подчеркнуть – темпы развития информационно-технических средств инсценирования значительно опережают по своей эффективности традиционные политико-дипломатические средства, т.е. мы зачастую просто не успеваем разработать меры противодействия этому. Именно так произошло в период «арабской весны», когда политические (тем более международно-политические) усилия по стабилизации заведомо отставали от усилий по дестабилизации, «легитимность» которых была инсценирована. Политические смыслы, казалось бы, «малозначимых» событий, попав в социальные сети и получив там заданный ракурс восприятия, фактически обернулись серьезными уязвимостями для функционирования государственных институтов, чему, разумеется, поспособствовали усилия извне.

Надо иметь в виду, что в XXI в. радикально изменились *цели* политического противоборства. Если прежде главной целью был кон-

троль над конкретными экономическими ресурсами и промышленными регионами, то в настоящее время такой главной целью становится общество, точнее, ее достаточно узкая часть – правящая элита и системы ценностей, реализуемые в собственных интересах [30, с. 14–37]. Соответственно меняются и средства влияния (воздействия, контроля) над правящей элитой, той или иной ЛЧЦ, которые необходимы оппоненту, т.е. *главной целью противоборства становятся интересы и система ценностей правящей элиты ЛЧЦ*. На изменения в приоритетности целей политического противоборства указывалось в научной литературе, посвященной анализу войн будущего [31].

Очевидно, что если для достижения одних целей (X–XX вв.) требовались свои специфические средства насилия (прежде всего армии), то для достижения других целей в XXI в. (а именно смены системы ценностей ЛЧЦ) требуются, соответственно, *другие средства*. Речь идет о СМИ, Интернете и социальных сетях, с помощью которых не только инсценируется новая виртуальная реальность, но и формируется запрограммированная политическая, экономическая, социальная *объективная реальность*: например, на Украине «виртуальная реальность» русофобства стала политической реальностью.

Инструменты инсценирования реальности, включая риски «российской угрозы», не просто новые средства силовой борьбы. Они качественно другие, а именно «средства принуждения», которые представляют собой *единую систему силовых средств* коалиции, не разделенных как прежде на вооруженные (военные) и невооруженные. В эту систему входят «жесткая сила», «мягкая сила», а также их комбинирование.

Из этого следует, что в современном противоборстве новую и очень важную роль *системного фактора обеспечения безопасности* играют:

- во-первых, коалиции и союзы государств, в частности, способных противостоят коалиции западной ЛЧЦ;
- во-вторых, объединенная система средств защиты, приобретающая новое качество силы от синергетического эффекта интеграции «мягкой» и «жесткой силы»;
- в-третьих, умение защищать национальную систему ценностей и интересы ЛЧЦ;
- наконец, в-четвертых, способные противодействовать системному использованию «средств принуждения».

Очевидно, без обладания именно этими средствами нельзя говорить о должной защите ЛЧЦ, доверии к безопасности страны. Без них ныне не может быть эффективное стратегическое или даже ядерное сдерживание [3].

Инсценирование новых смыслов, концепций и идей, возможность и способность их внедрения в общественное сознание меняют представления не только о политических целях и задачах, но даже о системе ценностей и национальных интересах. Именно это и произошло в странах СЭВ, а также в СССР, где в 70–80-е гг. изменили сначала *понимание* основных идеологических и цивилизационных целей, а затем и *само содержание* ценностей и национальных интересов у значительной части правящих элит и их лидеров. Это, кстати, немедленно отразилось и на безопасности не только самих государств, но и их лидеров (Чаушеску, Хонеккера, Живкова и др.), их возможностях принимать самостоятельные решения. Это породило новые риски и уязвимости для безопасности стран и ЛЧЦ.

Таким образом, в начале XXI в. стало окончательно ясно, что парадигма безопасности изменилась. Доверие к безопасности России также претерпевает трансформации. Его важнейшим фактором становится обеспечение оптимальной функциональности российской ЛЧЦ, благодаря чему реализуется безопасность нации, государства, общества, всех россиян.

Литература

1. The National Security Strategy. Wash., 2015. February.
2. Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М., 2016. 743 с.
3. Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М., 2016. 338 с.
4. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М., 2015. 342 с.
5. Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 110–124.
6. Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социс. 2011. № 1. С. 11–18.
7. Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

References

1. The National Security Strategy. Wash., 2015. February.
2. Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otnosheniy / pod red. A.I. Podberezkina, M.V. Aleksandrova. M., 2016. 743 p.
3. A.I. Podberezkin. Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossii v XXI veke. M., 2016. 338 p.
4. S.A. Kravchenko. Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»: vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota. M., 2015. 342 p.
5. S.A. Kravchenko. Strela vremeni: sovremennye vyzovy sotsiologicheskomu znaniyu // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2014. № 1. P. 110–124.
6. S.A. Kravchenko. Sotsiologiya v dvizhenii k vzaimodeistviyu teoretiko-metodologicheskikh podkhodov // Sotsis. 2011. № 1. P. 11–18.
7. V.V. Putin. Ukaz Prezidenta Rossiiskoy Federatsii «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoy Federatsii» № 683 ot 31 dekabria 2015 g.

8. *Кравченко С.А.* Risk // Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. М., 2012. 690 с.
9. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. 641 с.
10. *Luhmann N.* Trust and Power. N. Y., 1979. 228 p.
11. *Giddens A., Pierson S.* Conversation with Antony Giddens. Making Sense of Modernity. Cambridge, 1988. 244 p.
12. *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. 528 с.
13. Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М., 2009. 160 с.
14. *Кравченко С.А.* Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия: учеб. пособие. М., 2016. 431 с.
15. *Sassen S.* Relocalizing the National and Harizontalizing the Global // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. Vienna, Austria, 10-14 July 2016.
16. *Perrow Ch.* Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. New Brunswick, NJ, 1999. 464 p.
17. *Perrow Ch.* The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton, 2011. 432 p.
18. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008. 730 с.
19. *Парсонс Т.* Некоторые проблемы общей теории в социологии. М., 1994.
20. *Кравченко С.А.* Социология. Т. 1: Классические теории. М., 2014. 584 с.
21. *Парсонс Т.* О социальных системах. М., 2002. 832 с.
22. *Beck U.* Cosmopolitan Version. Cambridge, 2007. 216 p.
23. *Кравченко С.А.* Социология риска и безопасности. М., 2016. 302 с.
24. *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. М., 2011. Т. III. 850 с.
25. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М., 2016. 640 с.
26. *Тойнби А.* Подъем и падение цивилизаций. М., 2016. 288 с.
8. *S.A. Kravchenko.* Risk // S.A. Kravchenko. Sotsiologicheskiy tolkoviy anglo-russkiy slovar'. M., 2012. 690 p.
9. *N. Luman.* Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii. SPb., 2007. 641 p.
10. *N. Luhmann.* Trust and Power. N. Y., 1979. 228 p.
11. *A. Giddens, S. Pierson.* Conversation with Antony Giddens. Making Sense of Modernity. Cambridge, 1988. 244 p.
12. *E. Giddens.* Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii. M., 2003. 528 p.
13. *Rossiia na novom perelome: strakhi i trevogi.* M., 2009. 160 p.
14. *S.A. Kravchenko.* Sotsiologicheskaiia diagnostika riskov, uyazvimostei, doveriya: ucheb. posobie. M., 2016. 431 p.
15. *S. Sassen.* Relocalizing the National and Harizontalizing the Global // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. Vienna, Austria, 10-14 July 2016.
16. *Ch. Perrow.* Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. New Brunswick, NJ, 1999. 464 p.
17. *Ch. Perrow.* The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton, 2011. 432 p.
18. *F. Fukuyama.* Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu. M., 2008. 730 p.
19. *T. Parsons.* Nekotorye problemy obshchei teorii v sotsiologii. M., 1994.
20. *S.A. Kravchenko.* Sotsiologiya. T. 1: Klassicheskie teorii. M., 2014. 584 p.
21. *T. Parsons.* O sotsial'nykh sistemakh. M., 2002. 832 p.
22. *U. Beck.* Cosmopolitan Version. Cambridge, 2007. 216 p.
23. *S.A. Kravchenko.* Sotsiologiya riska i bezopasnosti. M., 2016. 302 p.
24. *A.I. Podberezkin.* Natsional'niy chelovecheskiy kapital. M., 2011. T. III. 850 p.
25. *S. Khantington.* Stolknovenie tsivilizatsii / per. s ang. T. Velimeeva. M., 2016. 640 p.
26. *A. Toinbi.* Pod'em i padenie tsivilizatsii. M., 2016. 288 p.

27. The National Military Strategy of the United States of America. Wash., 2015. June.

28. *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. М., 2014. 268 с.

29. *Beck U.* World at Risk. Cambridge, 2010. 240 p.

30. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Ша-клеиной. М., 2014. 268 с.

31. *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и прак-тические выводы. Очерки стратегической мысли. М., 2016. 832 с.

27. The National Military Strategy of the United States of America. Wash., 2015. June.

28. *A.I. Podberezkin.* Voennye ugrozy Rossii. M., 2014. 268 p.

29. *U. Beck.* World at Risk. Cambridge, 2010. 240 p.

30. Vvedenie v prikladnoy analiz mezhdunarodnykh situatsiy / pod red. T.A. Shakleynoi. M., 2014. 268 p.

31. *I.M. Popov, M.M. Khamzatov.* Voyna budushchego: Kontseptual'nye osnovy i prak-ticheskie vyvody. Ocherki strategicheskoy mysli. M., 2016. 832 p.

Поступила в редакцию

22 ноября 2016 г.